

ПОКА
ГОРОД
СЧИТАЕТ
ДО НУЛЯ

00:00:00

— ии —
Кирилл Гранит

Кирилл Гранит

Пока город считает до нуля

«Автор»

2026

Гранит К.

Пока город считает до нуля / К. Гранит — «Автор», 2026

Что вы сделаете, если в полночь все электронные часы города начнут обратный отсчёт — а никто не знает почему? Связь дает сбой, а мегаполис движется к нулю. Героям предстоит выяснить источник отсчёта, пройти через отключенные улицы и решить, кому можно верить. Паника и слухи опаснее самой тайны: в хаосе легко оставить позади тех, кому нужна помощь. «Пока город считает до нуля» — научно-фантастический триллер о ясности мышления в кризисе. Здесь проверка фактов, точные вопросы, признание ошибок и распределение ответственности помогают действовать, когда привычные ориентиры исчезают. Для тех, кто любит напряженные истории о выборе и хочет вынести из них не только адреналин, но и опору для жизни. Даже в неизвестности можно остановиться, проверить данные и выбрать следующий безопасный шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Гранит К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В полночь все часы пошли назад	6
Город, который не верил цифрам	11
Первая минута паники	16
Человек, умеющий замечать сбои	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кирилл Гранит

Пока город считает до нуля

Пока город считает до нуля

Кирилл Гранит

В полночь все часы пошли назад

В лифте застрял запах мокрой шерсти, металлической пыли и мандаринов.

— Если я опять опоздаю, мама скажет, что я специально, — пробормотала Лена.

Илья, прижав к груди коробку с тортом, улыбнулся:

— Ты опоздала только на один этаж. Это еще не считается.

Лифт дрогнул и пополз выше. На табло сменились цифры: 17, 18. Илья посмотрел на телефон. До полуночи оставалось семь секунд.

В больнице ночная медсестра поправляла одеяло у спящего старика. На прикроватном мониторе ровно вздымалась зеленая линия. В стеклянной двери отражалась сама медсестра: уставшая, с прядью волос, выбившейся из-под шапочки, и с бумажным стаканчиком остывшего кофе в руке. Она глянула на часы над постом.

В автобусе № 6 водитель остановился у последней остановки маршрута. Пассажиров не осталось. Он снял ладонь с руля и растер большим пальцем затекшее запястье. На улице блеснул дождь, светофор показывал красный. В кабине пахло нагретой резиной и дешевой мятной жвачкой.

На экране телефона водителя было 23:59:58.

В городе гасли окна. В окнах зажигались телевизоры. На перекрестках мокрые машины терпеливо ждали зеленого. Подземные поезда шли по туннелям, не зная, что через секунду их расписания перестанут иметь смысл.

В полночь все электронные часы пошли назад.

На телефоне Ильи вместо полуночи возникли цифры 23:59:59. Он нахмурился, поднес экран ближе к лицу. Рядом Лена перевела взгляд с телефона на табло лифта.

23:59:58.

— Это что, обновление? — спросила она.

Табло мигнуло.

23:59:57.

В больнице ночная медсестра подняла голову. На мониторе у поста часы показывали 23:59:59. Через секунду — 23:59:58. Она посмотрела на наручные часы, потом на монитор, потом на спящего пациента. Его зеленая линия продолжала мерно подниматься и опускаться.

У водителя автобуса телефон отстучал две короткие вибрации. Он взглянул на экран.

23:59:59.

— Не может быть, — сказал он пустому салону.

На часах над перекрестком сменились цифры. На рекламной панели у остановки. На электронном табло в аптеке. На дисплее банкомата, в окне круглосуточной пекарни, в кабине лифта, на вокзале.

23:59:58.

23:59:57.

23:59:56.

В первые минуты город отреагировал так, как реагируют люди, когда ломается привычная вещь, но еще не ясно, опасна ли поломка: кто-то засмеялся, кто-то выругался, кто-то перезагрузил телефон. Несколько водителей посигналили друг другу. У кассы ночного магазина покупатель поднял свой смартфон и объявил, что «сервера легли». Дежурный инженер на вокзале решил, что сбилась система синхронизации времени.

Алексей Воронцов заметил странность не по часам.

Он заметил, что на схеме движения три зеленых маркера одновременно остановились между станциями.

Алексей придвинулся к монитору. В диспетчерской пахло пылью, разогретым пластиком и крепким чаем. За толстым стеклом проплывали ночные огни путей. На стене висела карта города, исчерченная линиями маршрутов; в эту минуту она казалась живой только благодаря крошечным огонькам поездов.

— Что там с шестой линией? — спросил он.

Оператор соседнего пульта поднял голову:

— Ничего. По графику.

— Три состава стоят.

— Межстанционный интервал. Сейчас пойдут.

Алексей посмотрел на часы в углу служебного экрана. 23:59:51. Цифры скакнули назад. 23:59:50.

Он не стал сразу ругаться на программное обеспечение. Не стал сразу объявлять аварию. У него была привычка замечать мелкие несоответствия: водитель, который сообщает о пробке, хотя датчики показывают свободную дорогу; станция, где эхо объявления запаздывает на долю секунды; табло, которое обновилось раньше, чем пришло подтверждение. Чаще всего у таких мелочей находилось скучное объяснение. Но сперва их следовало увидеть, а не придумать.

Алексей снял гарнитуру и положил ее рядом с клавиатурой.

— Проверьте связь с составами. Не перезапускайте сервер.

— Почему?

— Пока не знаем, что сломалось.

Он достал телефон. На экране шел обратный отсчет. Алексей включил режим полета, подождал, пока исчезнут значки сети, и перевернул телефон экраном вниз. На запястье у него были простые цифровые часы для бега. Он носил их много лет, не подключал к телефону и редко менял в них батарейку. Обычно они спешили на несколько секунд.

Теперь на них было 23:59:46.

Алексей посмотрел на настенные механические часы в диспетчерской. Коричневый корпус, пожелтевший циферблат, тонкая секундная стрелка. Часы достались от прежнего начальника и с тех пор пережили два ремонта, три переезда и бесчисленные обещания заменить их на современные.

Секундная стрелка шла вперед.

Тик. Тик. Тик.

Электронные часы на стене показывали 23:59:43.

Алексей подошел к полке, где хранился старый механический будильник. Он поставил его рядом с наручными часами. Красная секундная стрелка чуть дергалась, но двигалась вперед. Два механизма, не подключенные ни к сети, ни к общей системе, подтверждали одно и то же: обычное время продолжало идти.

Телефон и городское табло — другое.

На пульте диспетчерской обратный отсчет дошел до 23:59:31.

— У вас тоже? — спросил Алексей.

Оператор уже держал в руке свой телефон.

— Да. Перезагрузил. То же самое.

— А личный будильник?

— На телефоне?

— Нет. Отдельный.

Оператор пожал плечами.

Алексей записал на бумажном блокноте: «Наручные часы, без связи: назад. Табло диспетчерской: назад. Механический будильник: вперед». Потом подчеркнул каждую строку. Не потому, что бумага была надежнее, а потому, что на ней нельзя было незаметно обновить показания.

— Вы думаете, это кибератака? — спросил оператор.

— Я думаю, что электронные дисплеи показывают одинаковый обратный отсчет.

— Это и есть атака?

— Это уже объяснение. У нас пока есть только показания.

Он произнес это спокойно, почти буднично, но внутри каждое слово цеплялось за следующее. Если он назовет происходящее атакой, люди начнут искать того, кто напал. Если назовет сбоем, кто-нибудь решит, что можно подождать, пока все само пройдет. Слова не меняли цифры на экранах, зато меняли поступки.

Алексей позвонил на Центральный вокзал. Ответила дежурная смены.

— Табло прибытия сбилось, — сказала она прежде, чем он успел спросить. — Все часы на платформах идут назад. Сначала думали, что наша сеть. Но экран в подземном переходе тоже.

— Он подключен к вашему серверу?

— Нет. Это реклама, там отдельная система. Мы уже позвонили подрядчику, он не отвечает.

— Есть устройство, которое не подключено к сети?

— У меня наручные часы, механические.

— Что показывают?

На том конце стало тихо.

— Вперед идут.

Алексей записал: «Вокзал: платформенные и рекламный экран — назад. Механические — вперед».

Следующий звонок он сделал в больницу, хотя знал, что сейчас там хватает собственных забот. На экране пульта высветился номер дежурного транспортного координатора.

— Воронцов? — ответила женщина. — У нас техника показывает какую-то ерунду.

Он узнал голос ночной медсестры, с которой несколько раз согласовывал ночные автобусы для персонала.

— Что именно?

— Часы на мониторах, на служебных телефонах, на контроллерах насосов. Везде одно и то же. Я сейчас смотрю на экран у поста: 23:58:12.

— Все устройства подключены к больничной сети?

— Нет. Часть на резервном питании. Насосы автономные. И там тоже.

— Показатели пациентов в норме?

— Пока да. Я не отвлекаюсь от них. Но, Алексей, у нас тут даже часы на старом аппарате, который вообще не умеет выходить в сеть, тоже считают назад.

Он взглянул на свои наручные часы. 23:58:03.

— Не перезагружайте оборудование, — сказал он. — Запишите показания и следите за пациентами. Если меняются не часы, а рабочие параметры, сразу звоните.

— Поняла.

В голосе медсестры не было паники. Только усталое внимание человека, который не может позволить себе смотреть на странность дольше, чем нужно для работы.

Алексей положил трубку. Несколько секунд он слушал диспетчерскую: вентиляторы, клавиши, короткие переговоры по радио. Город за стеной продолжал жить. В поездах люди листали новости. В круглосуточной кофейне бариста ставил чистые чашки на полку. Лена и Илья, вероятно, уже вышли из лифта. Водитель шестого автобуса наверняка пытался решить, стоит ли продолжать маршрут.

Он открыл карту транспортных каналов. Системы не сходились в одной точке. Часы на станциях получали сигнал от центрального сервера; рекламные панели работали через сеть подрядчиков; часть больничного оборудования была автономна; его собственные часы не

принимали никакого сигнала. Общая причина не выстраивалась. Но одинаковым оставалось направление: назад.

Он проверил настройки часовых поясов на диспетчерском компьютере. Время станции, время системы, время журналов событий. Переключил отображение на всемирное координированное время. Цифры не вернулись к нормальному ходу. Разница между местными часовыми настройками ничего не объясняла: обратный отсчет был не местным временем. Он выглядел одинаково на экранах, которые обычно жили по разным правилам.

Алексей не знал, что это означало. Знал только, что ни объяснение про один сбойный сервер, ни объяснение про один часовой пояс не выдерживали проверки.

На стене механические часы продолжали тикать.

Он набрал на бумаге две колонки.

Известно: электронные дисплеи в разных местах показывают обратный отсчет. Часть устройств не подключена к общей сети. Механические часы идут вперед. Показания по больнице пока не затрагивают работу оборудования.

Неизвестно: почему это происходит. К чему ведет отсчет. Можно ли доверять любому отдельному устройству.

Он перечитал список и почувствовал, как напряжение в плечах немного ослабло. Не исчезло. Просто перестало быть безымянным.

— Алексей, поступило сообщение от водителя шестого, — сказала оператор. — Говорит, на остановке электронное табло показывает то же, что телефон. Спрашивает, продолжать рейс?

— Пусть продолжает по маршруту. Пассажиров предупредит, что информация на табло ненадежна. На перекрестках ориентироваться на сигналы светофоров и указания диспетчера.

— А если все так?

— Тогда особенно важно не подменять наблюдение догадкой.

Оператор кивнул, хотя Алексей не был уверен, что она услышала последние слова. Она уже передавала распоряжение.

На общем городском экране в углу диспетчерской сменялись привычные объявления: ночные работы на мосту, закрытие входа на станцию, предупреждение о сильном дожде. Потом экран на миг почернел. В помещении кто-то замолчал. Даже гул вентиляторов будто стал громче.

Алексей обернулся к стене.

Черный экран вновь засветился. Исчезли карта и городские новости. Появились белые цифры на темном фоне:

23:57:06.

Они отняли одну секунду.

Оператор поднялась со стула.

— Это уже городская система?

— Похоже на нее.

— Кто-то взломал ее?

Алексей хотел ответить, но не ответил. Он смотрел не на цифры, а на маленький ряд служебных индикаторов под экраном. Сеть работала. Питание было стабильным. Ошибок не отображалось.

На его наручных часах было 23:57:01. Механический будильник показывал почти полночь, стрелка медленно приближалась к двенадцати.

В коридоре диспетчерской кто-то включил радио. Сквозь шорох пробился голос ведущего: сообщения о сбое в работе часов поступали со всего города. Жителям советовали сохранять спокойствие и проверять информацию только по официальным источникам. В ту же секунду электронное табло за стеклом, на платформе, сменило привычную строку расписания.

Затем загорелась рекламная панель у входа. Потом экран на остановке, видимый между мокрыми стеклами.

Один за другим городские дисплеи гасли и включались снова.

Алексей подошел к окну. На темной улице люди остановились возле остановочного табло. Кто-то поднял телефон и стал снимать. В автобусе № 6 загорелся салонный экран. На перекрестке сменились цифры светофора, и водитель, сидевший за рулем, поднял голову.

На всех экранах появилось одно сообщение:

«До нуля осталось 24 часа».

В диспетчерской никто не заговорил.

Механические часы за спиной Алексея продолжали идти вперед. Секундная стрелка пересекла отметку двенадцати.

Тик.

Тик. Обычный, ровный звук — будто стрелка не знала, что весь город только что получил срок. Алексей посмотрел на сообщение на экране. Двадцать четыре часа. Никто не спросил, что случится, когда они закончатся: в диспетчерской все уже поняли, что ответить на это некому.

За окном одни продолжали снимать табло, другие спорили, что это сбой. Кто-то проверял время на телефоне, кто-то искал часы, которым ещё можно верить. Полночь разделила город не на тех, кто видел отсчёт, и тех, кто его не видел, а на тех, кто принял цифры за правду, и тех, кто решил усомниться. И очень скоро спорить горожане будут уже не о том, почему часы пошли назад, а о том, что вообще можно измерить и чему верить.

Город, который не верил цифрам

К семи утра город не отменил срок, зато отменил доверие к табло.

На остановках люди по очереди фотографировали электронные часы, а потом сравнивали снимки так, будто искали на них не время, а подделку. В автобусах пассажиры спрашивали друг друга, который час, и не верили ответу, пока не проверяли его на собственном телефоне. Даже механические часы в диспетчерской Алексея казались подозрительными: они шли вперёд, но теперь это выглядело не доказательством исправности, а личным мнением.

На главном экране всё ещё висело сообщение: «До нуля осталось 23 часа 11 минут».

— Ошибка обновления, — сказала дикторша на городском канале. Она говорила ровно, с лицом человека, который хотел бы добавить к этой фразе ещё три абзаца, но получил только одну. — Специалисты проверяют работу программного обеспечения. Просим сохранять спокойствие и ориентироваться на официальные источники времени.

— А официальные источники ориентируются на что? — спросил диспетчер у окна.

Никто не ответил. Впрочем, ответ не требовался: на стене над ним тикали механические часы.

В девять утра начался официальный брифинг. Представитель городского управления цифровой инфраструктуры стоял перед синим баннером и объяснял, что ночью на ряд устройств поступило некорректное обновление. Слово «ряд» повторилось четыре раза. На вопрос журналистки, сколько именно устройств затронуто, он ответил, что оценка продолжается. На вопрос, какое ведомство отправило обновление, представитель сказал, что специалисты устанавливают источник сбоя. На вопрос, может ли отсчёт быть связан с угрозой, он повторил: «На данный момент оснований полагать это нет».

Алексей смотрел прямую трансляцию на служебном мониторе. Он знал, как звучит осторожность, когда она нужна, и как звучит осторожность, когда она просто заменяет ответ. Но не мог решить, к какому случаю относились эти слова.

В диспетчерской звонили телефоны. Люди сообщали о часах в вестибюле поликлиники, на табло трамвайных остановок, в лифтах торгового центра. Некоторые требовали немедленно назвать точное время. Другие спрашивали, можно ли верить электронным замкам и расписаниям поездов. Один мужчина долго объяснял, что его кухонная микроволновка показывает обычные цифры, но жена считает, что она «просто ещё не обновилась».

Алексей записывал обращения в журнал, не добавляя к ним собственных выводов. «Устройство на улице такой-то, обратный отсчёт». «Свидетель утверждает, что экран был выключен». «Непроверенное фото из чата». Он привык к тому, что диспетчерская живёт фактами. Сегодня факты поступали в форме чужой тревоги.

В телефоне всплыло уведомление из чата его дома.

«У кого ещё в лифте время назад пошло?»

«Это не время, а реклама до запуска нового приложения».

«Мой муж говорит, что это какая-то хакерская штука. Он в этом разбирается».

«У мужа моей сестры тоже всё объясняется хакерами. Даже когда он забыл вынести мусор».

Следом написала Лена с восьмого этажа: «В мастерской у меня старые часы идут нормально. На телефоне обратный отсчёт. Но я ночью подключалась к городскому вайфаю. Может, это важно?»

Через минуту кто-то ответил: «Лена, не надо разводить панику».

Алексей закрыл чат. Ему вдруг стало неловко за то, как часто он сам говорил «панику не разводить», когда хотел сказать «я пока не знаю».

На экране телефона появилась прямая трансляция Лады Мироновой. Он знал её по прошлогоднему расследованию о сбоях в расписании пригородных поездов. Тогда она трижды перепроверила его слова, прежде чем поставить их в эфир, и позже прислала ссылку на опубликованный материал с исправленной фамилией одного из диспетчеров. Лада не выглядела человеком, которому достаточно громкой версии.

Она стояла у круглосуточной аптеки на проспекте Литейщиков. За её спиной мигал электронный экран с обратным отсчётом.

— Мы не знаем, что означает ноль, — говорила она в камеру. — И не будем подменять незнание догадкой. Если у вас есть наблюдение, присылайте оригинал фото или видео, указывайте адрес и время съёмки. Пересланный снимок без источника мы не считаем подтверждением. Если можете, проверьте, подключено ли устройство к городской сети синхронизации.

Алексей нахмурился. Сеть синхронизации была рабочим термином. Не особенно секретным, но и не тем, который обычно употребляли люди в уличном эфире.

Он позвонил в аптеку. Лада ответила не сразу, зато сразу спросила:

— У вас есть данные о таких обращениях?

— Есть журнал вызовов. Не могу передать чужие адреса без разрешения.

— Хорошо. Тогда не передавайте. Сможете сказать, сколько обращений и какие типы устройств упоминают? Без личных данных.

— Смогу. Но это не статистика по всему городу. Только наш участок и только те, кто дозвонился.

— Так и скажем.

К полудню его смена закончилась. Алексей вышел на улицу, где мартовский ветер пах мокрым камнем и выхлопами. У входа в аптеку стояла очередь, хотя внутри никого не было: люди задерживались у окна, чтобы спросить фармацевта, какое время показывают кассовый терминал и холодильник для лекарств.

Лада убрала телефон в карман, когда увидела Алексея.

— Ты всё ещё работаешь в диспетчерской? — спросила она.

— Пока да. Хотя сегодня вся моя работа — записывать, кто чему не верит.

— А чему веришь ты?

Вопрос прозвучал спокойно, без нажима. Алексей посмотрел на часы над входом. Электронные. До нуля оставалось 18 часов 42 минуты.

— В тому, что они идут назад.

— Это наблюдение. Не объяснение.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Только когда не хочу сама себя убедить.

В аптеке пахло мятными леденцами, спиртом и мокрыми куртками. За стойкой молодая фармацевтка пыталась одновременно отвечать покупателям и записывать показания приборов. Кассовый экран показывал отсчёт. На стене над холодильником висели круглые механические часы, стрелки которых шли вперёд.

— У нас всё завязано на городскую сеть, — сказала фармацевтка. — Касса, охрана, температурный журнал. А в подсобке есть старый электронный термометр на батарейке. Он показывает обычное время. Ну, насколько термометру вообще можно доверять.

— А вы проверяли, подключён ли кассовый терминал к городской синхронизации? — спросила Лада.

— Я не знаю, как это проверить.

Лада не стала делать вид, что ответ ей что-то доказал. Она попросила разрешения снять экран, уточнила, можно ли указать адрес аптеки, и записала имя сотрудницы только в личные заметки.

Рядом пожилой мужчина складывал в пакет лекарства.

— Я не верю, что это что-то опасное, — сказал он. — У меня внучка маленькая. Если я начну рассказывать ей про конец света, она всю ночь не уснёт. И я сам не усну. А если это просто ошибка, зачем пугать ребёнка?

— Это разумная причина не торопиться с выводом, — сказала Лада.

Мужчина посмотрел на неё настороженно, будто ожидал насмешки.

— Только не надо потом говорить, что я подтвердил ваше расследование.

— Не буду. Вы подтвердили только, что не хотите пугать внучку.

Он кивнул, удовлетворённый точностью формулировки, и ушёл.

У двери курьер рассказывал, что отсчёт видели на панели в подъезде, но не видели на его старом наручном электронном часе. Он не знал, подключён ли дом к городской сети. Лада спросила, есть ли у него оригинальное видео. Курьер показал файл в телефоне, а не снимок из чата. Время съёмки совпадало с отметкой на записи камеры доставки. Адрес был известен. Она внесла наблюдение в блокнот, но поставила рядом вопросительный знак.

— Почему не подтверждённое? — спросил Алексей.

— Потому что сам курьер не знает, как подключена панель. И я пока не проверила, что именно на видео. Он мог снять вчерашний ролик. Мы проверили время файла, но этого мало.

Она достала из сумки сложенную бумажную карту города. На ней были отмечены остановки, муниципальные здания и крупные развязки. Лада вытащила красный карандаш и поставила точку возле аптеки.

— Красным отмечаю устройства, на которых обратный отсчёт подтверждён. Синим — те, что проверили и которые к городской сети не подключены. Если источник пока неясен, ставлю вопросительный знак.

— А если одно сообщение окажется неверным?

— Тогда зачеркну. Карта не обидится.

Алексей улыбнулся. На миг ему захотелось, чтобы вся жизнь была похожа на эту карту: ошибку можно было не защищать, а просто исправить.

Они перешли в небольшое кафе через дорогу. Лада разложила на столе карту, блокнот и распечатанный перечень сообщений, которые прислали зрители. Алексей позвонил в диспетчерскую и попросил коллегу назвать общее количество обращений за утро без адресов и имён.

— Четырнадцать, — сказал он, закончив разговор. — Из них девять по городским табло и три по зданиям администрации. Два по непонятным устройствам. Это за наш район, не за весь город.

— Запишем именно так, — сказала Лада и внесла цифру. — Не «город завален сообщениями», а «в одном диспетчерском районе зарегистрировано четырнадцать обращений».

— Ты превращаешь каждую фразу в юридический документ.

— Нет. Я превращаю её в фразу, которую можно проверить.

В ленте прямой трансляции между тем появлялись новые свидетельства. Женщина прислала видео из школьного коридора. Сторож подтвердил, что экран подключён к внутренней городской системе оповещения. В мастерской на улице Гончарной цифровые часы на батарее показывали обычные часы, минуты и секунды; владелец снял это одним непрерывным видео, а Лада дозвонилась до него по номеру, указанному на вывеске.

На карте появилась красная точка у школы и синяя окружность у мастерской.

— Это уже закономерность, — сказал Алексей.

— Пока это несколько подтверждённых случаев, — поправила Лада. — Закономерность проверим, когда сравним больше устройств. Иначе мы просто нарисуем на карте то, что заранее хотим увидеть.

Она говорила без торжества. Именно поэтому Алексей слушал.

К двум часам красные отметки собрались вдоль транспортных узлов и муниципальных зданий. Синие появлялись отдельными островками: независимые мастерские, старые приборы,

домашние часы, не подключённые к сети. Отчёты из жилых домов распадались на два вида: одни жильцы снимали общие панели в подъездах, другие проверяли личные устройства, не всегда понимая, откуда те берут время.

Лада звонила каждому, кто оставил номер. Она спрашивала, кто снял видео, когда, на какое устройство, можно ли получить исходный файл. Она не принимала скриншоты из пересланных сообщений, даже если на них был виден знакомый адрес. Если свидетель говорил «у всех в доме», она просила перечислить, у кого именно он спросил. Если человек не помнил, она записывала «по словам очевидца» и не ставила отметку как подтверждённую.

— Ты рискуешь остаться с пустой картой, — сказал Алексей.

— Пустая карта лучше, чем выдуманная.

— А если времени мало?

Лада на секунду подняла на него глаза.

— Тогда особенно важно не тратить его на уверенность, которая не проверена.

Телефон Алексея завибрировал. В городском канале появилось новое сообщение: управление цифровой инфраструктуры сообщало, что для предотвращения дальнейших ошибок доступ к внешним диагностическим системам будет временно ограничен. Отключение начнут в три часа. «Работа не повлияет на безопасность городских служб», — обещал пресс-релиз.

Лада прочла сообщение дважды.

— Они отключают диагностику до того, как назвали источник обновления?

— Возможно, это обычная мера предосторожности.

— Возможно. Что могло бы подтвердить это объяснение?

Алексей задумался.

— Если бы они указали, какой именно доступ ограничивают, кто отвечает за отключение и как будут проверять результат.

— А что могло бы опровергнуть?

— Если отключение затронет только каналы, которые показывают обратный отсчёт, или если после отключения он изменится.

— Хорошо, — сказала Лада. — Запишем вопросы, а не вывод.

Алексей придвинул карту к себе. Красные отметки совпадали не просто с общественными местами. Они ложились почти по маршруту городской сети синхронизации. Он видел эту схему много раз: часть табло получала сигнал через узлы связи на транспортных развязках, муниципальные здания — через отдельный контур, а некоторые частные объекты использовали городского поставщика, который брал эталон времени из той же системы.

— Это не обычный интернет, — сказал он. — У устройств разные каналы, но источник времени у многих один. Сеть синхронизации города. Если часы подключены к ней, они получают общий сигнал.

— Откуда ты знаешь, что именно эти устройства подключены?

— По своей работе. Но не по каждому из них. Здесь я могу подтвердить только точки, которые обслуживает наша служба.

— Тогда разделим карту на подтверждённые и предположительные.

Лада провела карандашом тонкую линию по карте. Красные точки разделились на две группы. Одни она обвела сплошной чертой, другие — пунктиром.

— Мы можем утверждать, что в проверенной выборке обратный отсчёт появляется на устройствах, подключённых к городской синхронизации, — сказала она. — И что несколько не подключённых устройств показывают обычное время. Мы не можем утверждать, что так будет везде.

— И не знаем, почему.

— Пока не знаем.

Слово «пока» не успокаивало. Но оно оставляло место для следующего шага.

Алексей вдруг понял, что всё утро пытался выбрать между двумя объяснениями: безобидный сбой или намеренная угроза. Будто между ними не могло быть пустого пространства, где пока собирались факты. Он не хотел считать себя доверчивым. Не хотел и выглядеть человеком, который поверил в первую страшную версию. И обе эти заботы о себе мешали ему смотреть на карту.

— Есть старый узел синхронизации, — сказал он. — На территории бывшего трамвайного депо у Северного моста. Его формально вывели из эксплуатации, но там остался диагностический шкаф. Если городская сеть получает единый сигнал, на старом узле могла сохраниться независимая запись. Или хотя бы журнал последних обращений.

— Ты уверен, что он ещё работает?

— Нет. В этом и проблема.

— А кто может это подтвердить?

— Дежурный техник. У меня есть старый служебный номер и доступ на территорию, пока пропуск не отозван. Но если они ограничивают диагностику, узел могут отключить первым.

Лада посмотрела на часы аптеки через окно. На экране оставалось чуть меньше семнадцати часов.

— Значит, нам нужно сначала позвонить технику, — сказала она. — Не ехать туда только потому, что место звучит загадочно.

Алексей набрал номер, который помнил наизусть. Долгие гудки. Потом голос, заспанный и раздражённый:

— Слушаю.

— Аркадий Семёнович, это Алексей из городской диспетчерской. Помните старый узел у Северного моста?

На том конце замолчали.

— Кто вам сказал, что его ещё можно найти?

— Никто. Я спрашиваю.

— А Лада Миронова рядом?

Алексей посмотрел на журналистку.

— Рядом.

— Тогда приезжайте сейчас. До трёх они могут закрыть внешний доступ. Но ничего не трогайте, пока я не объясню, что там осталось.

Связь оборвалась.

Лада уже складывала карту. Красные и синие отметки расплывались на сгибах, но различить их всё ещё было можно.

— Я не знаю, что мы там найдём, — сказала она.

— Я тоже.

— Хорошо. Тогда это и будет нашей отправной точкой.

Они вышли на улицу. На перекрёстке городской экран отсчитывал секунды вниз. Рядом мужчина уверял прохожую, что цифры просто показывают время до следующего обновления. Прохожая отвечала, что это невозможно, потому что обновление должно было закончиться утром. Ни один из них не повышал голос. Пока.

Алексей взглянул на механические часы на запястье. Они показывали время, которое он не мог доказать. Он убрал руку в карман и пошёл за Ладой к остановке.

Город по-прежнему не верил цифрам. Но теперь он начинал спрашивать, откуда они взялись.

Первая минута паники

Лада успела показать Алексею на карте нужный переход, когда табло над платформой перескочило сразу на пять секунд.

На его фоне люди сначала даже не замолчали. Кто-то ругался из-за задержки поезда, кто-то листал телефон, кто-то тащил за собой чемодан, подпрыгивавший на стыках плит. Потом цифры мигнули снова.

00:18:42.

00:18:37.

Алексей посмотрел на часы в кармане. Механические стрелки ничего не говорили о том, что происходит с городом. Только о том, как он сам когда-то выставил время.

— Видела? — спросила Лада.

Он кивнул.

Длинный зал пересадочного узла уходил в обе стороны, как подземный вокзал для людей, которые никуда не успевали. Над платформами висели табло, на стенах светились рекламные панели, у лестниц мигали указатели. Все электронные часы показывали одно и то же: обратный отсчёт. Все двигались с разной скоростью.

Сначала это заметили только те, кто уже следил за цифрами. Затем заметили те, кому показали. Потом весь зал поднял головы.

Один мужчина у колонны достал телефон и начал снимать.

— Опять ускорились, — сказал он кому-то за спиной.

— Они всегда так идут перед обновлением, — ответила женщина.

— Какое обновление? — спросил парень в яркой куртке. — У нас уже час как ноль должен был наступить.

Слово «ноль» разошлось по залу быстрее, чем люди успели понять, что именно оно означает.

Поезд под платформой глухо стукнул на повороте. Пол под ногами дрогнул. С потолка посыпалась невидимая пыль; кто-то коротко кашлянул. Затем динамики захрипели.

— Пассажирам просьба оставаться на платформе и сохранять...

Объявление оборвалось. Включился другой динамик, ближе к лестнице:

— Освободите платформу. Повторяю, освободите...

Вместо конца фразы ударил резкий треск.

Дежурный в оранжевом жилете поднял руку и крикнул:

— К выходам! Не задерживайтесь!

С другого конца платформы ему ответили:

— Выходы перекрыты! Стойте на месте!

Оба, похоже, старались помочь. Вместе их команды звучали так, будто каждая следующая отменяла предыдущую.

Паника не началась с крика. Сначала несколько человек сделали шаг к лестнице. За ними двинулись ещё трое. Потом целая группа увидела движение и тоже пошла, не зная куда. Люди спускались к платформе и одновременно поднимались с неё. Чемоданы ударялись о ноги. Чужие плечи упирались в грудь. Кто-то громко потребовал пропустить его, хотя никто не понимал, куда именно следовало пропускать.

Мужчина с телефоном перестал снимать и поднёс его к уху.

— Да, я здесь. Что? Где? — Он побледнел и повернулся к людям. — В тоннеле бомба. Там сейчас рванёт.

— Откуда вы знаете? — крикнула женщина.

— Сестра прислала. Она на диспетчерской работает.

— У неё сообщение из служебного чата, — поправил кто-то рядом. — Там уже подтвердили.

— Что подтвердили? — спросил Алексей.

Мужчина посмотрел на него, будто сам не ожидал, что ему придётся отвечать.

— Взрыв. По таймеру.

Слово «бомба» перескочило через несколько голов. Вскоре уже говорили, что устройство заложено под платформой. Потом — что оно связано с табло. Потом — что на всех станциях отсчитывают секунды до одновременного взрыва.

Лада сжала карту так, что лист хрустнул.

— Это никто не проверил, — сказал Алексей.

— А ты проверил? — резко спросил парень в яркой куртке.

Алексей хотел ответить, но под подошвами снова прошла вибрация. На этот раз длиннее. Она поднялась по ногам к коленям, поселилась в животе. Где-то за стеной прокатился низкий звук, похожий на далёкий удар металлической двери.

Ему тоже хотелось бежать. Не к выходу, не к лестнице, а просто прочь от этого гула, от чужих голосов и цифр, которые становились меньше быстрее, чем он успевал считать.

У самого края платформы ребёнок заплакал.

Алексей повернулся. Мальчик лет пяти стоял рядом с женщиной, которая одной рукой удерживала его за капюшон, а другой старалась не потерять сумку. На плитке у ног ребёнка лежала красная перчатка. Кто-то наступил на неё, не заметив.

Мать наклонилась, но её толкнули сзади. Мальчик вскрикнул.

Алексей сделал шаг к ним. На секунду он снова посмотрел на цифры.

00:17:58.

00:17:54.

Никакого ответа в них не было. Но рядом были люди, которые падали.

— Не толкайтесь, — сказал он.

Голос вышел тише, чем он рассчитывал. Он сглотнул и повторил громче:

— Не толкайтесь. Отойдите от края.

Несколько лиц повернулись к нему. Одни раздражённо, другие испуганно. Алексей не стал объяснять, что знает, а чего не знает. Он поднял ладонь, чтобы его видели, и показал на стену.

— Сделайте два шага к стене.

Женщина с ребёнком послушалась. За ней двинулись ещё люди. Не все. Но проход у края стал чуть шире.

— Освободите левую полосу, — сказал Алексей. — Не занимайте её сумками.

Кто-то огрызнулся:

— Ты тут главный, что ли?

— Нет, — ответил Алексей. Голос дрогнул на первом звуке. — Но здесь ребёнок. Дайте ему пройти.

Он услышал, как быстро бьётся сердце. В груди было тесно, дыхание сбивалось. Он хотел сказать что-то обнадеживающее, но не нашёл слов, которым сам поверил бы. Поэтому сказал только то, что можно было сделать сейчас.

— Малыша пропускаем вперёд. Один взрослый рядом.

Женщина взяла сына за руку. Мужчина с тяжёлым рюкзаком переступил через жёлтую линию и отступил к стене. Другой пассажир поднял с пола чужой чемодан, чтобы убрать его из прохода.

Там, где толпа ещё секунду назад двигалась бесформенной массой, возникли отдельные решения. Не большие. Не героические. Кто-то убрал локоть. Кто-то перестал толкать соседа. Кто-то придержал дверь.

Лада уже пробиралась к дежурному в жилете.

— Я проверю, — крикнула она через плечо.

— Только не говори того, чего не знаешь! — крикнул Алексей.

Она подняла руку, показывая, что услышала.

У лестницы мужчина в синем пальто пытался развернуть пожилого пассажира в инвалидном кресле. За ними люди продолжали напирать, не видя, что впереди возникло препятствие.

Алексей подошёл не сзади, а сбоку.

— Можно помочь вам до стены? — спросил он пассажира в кресле.

Тот тяжело дышал, но ответил:

— Да. Только не толкайте сзади. Колесо заклинило.

— Понял.

Алексей обратился к мужчине в синем пальто:

— Возьмитесь за ручку с другой стороны. Медленно.

Незнакомец кивнул. Они вместе повернули кресло на полшага, не пытаясь протолкнуть его сквозь поток. Дежурный в жилете заметил это и встал поперёк прохода, отсекая напирающих.

— Дайте людям выйти! — крикнул он. — Не лезьте сюда!

Его команда прозвучала грубо, но наконец-то была понятной.

Мальчик всё ещё смотрел на красную перчатку. Мать прижимала его к себе и не могла нагнуться.

— Перчатка останется здесь, — сказал Алексей. — Сейчас не за ней.

Мальчик всхлипнул.

— Это моя.

— Я знаю. Сначала дойдём до стены. Потом решим.

Он не обещал, что вернёт её. Просто назвал следующий шаг. Мальчик кивнул с той серьёзностью, с какой дети иногда принимают решения взрослых, если взрослые не притворяются всезнающими.

На табло над платформой числа перескакивали всё быстрее.

00:16:21.

00:16:14.

00:16:05.

Женщина неподалёку громко повторяла в телефон:

— Они эвакуируют станцию. Нет, я сказала, эвакуируют. Все бегут.

Но никто не бежал. Люди двигались рывками, оглядывались на разные лестницы и не понимали, какую команду выполнять.

Алексей почувствовал, как в нём поднимается желание крикнуть: «Хватит!» Он стиснул зубы. Крик мог сделать его громче, но не яснее.

— Посмотрите на указатель, — сказал он стоявшим рядом. — Не на телефоны. На табличку выхода.

На стене светилась стрелка к лестнице, но над ней мигал экран с сообщением об ошибке. Дежурный тоже поднял голову, будто только теперь заметил, что два указателя направлены в разные стороны.

Лада вернулась через минуту. Она шла быстро, но не бежала. В руке у неё был служебный телефон, за спиной — сотрудница станции с рацией.

— Я связалась с диспетчером, — сказала Лада. Она не перекрикивала зал, но говорила отчётливо. — Взрыв не подтверждён. На платформу сейчас не спускаться. Выход номер четыре открыт. Есть лифт.

— Кто это подтвердил? — спросил парень в яркой куртке.

— Диспетчер станции по внутренней связи. Сотрудница слышала тот же ответ.

Женщина с рацией поднесла микрофон ко рту.

— Внимание, пассажиры. Сообщения о взрыве не подтверждены. Платформа временно закрыта. Выход номер четыре открыт, лифт работает. Просим двигаться туда спокойно и освободить проход слева.

Не «ничего не случилось». Не «опасности нет». Только то, что удалось проверить, и то, что следовало делать.

Эта разница не успокоила всех сразу. Некоторым спокойствие было бы подозрительнее любой тревоги. Мужчина с телефоном продолжал повторять про сестру в диспетчерской. Женщина в сером пальто заявила, что слышала взрыв лично, хотя на вопрос, где именно, замялась.

Но теперь рядом с ними звучали и другие фразы.

— Выход четыре. Туда.

— Не толкайте. Здесь пропускают кресло.

— Не спускайтесь на платформу, так сказали сотрудники.

Лада оставалась рядом с дежурной и повторяла информацию тем, кто не расслышал объявление. Алексей показывал на свободную полосу, пропуская вперёд детей и тех, кому было трудно идти. Он не отдавал длинных распоряжений. Одно действие за раз.

— Держитесь за поручень.

— Оставьте сумку у себя.

— Отойдите от края.

В какой-то момент женщина с ребёнком всё-таки нагнулась за красной перчаткой. Алексей не удержал её, только заметил, как мать подняла ладонь.

— Секунду. Проход свободен?

Мужчина с синим пальто оглянулся. Дежурный кивнул. Женщина быстро подняла перчатку и сунула её сыну в карман. Мальчик перестал плакать, хотя продолжал крепко держать мать за рукав.

Через выход номер четыре люди уходили небольшими группами. Никто не аплодировал. Никто не благодарил Алексея. Одна женщина, проходя мимо, коротко коснулась его плеча. Он не успел понять, было ли это благодарностью или просто случайным движением в тесноте.

Когда основная толпа отступила от края, он обнаружил, что ладони у него мокрые. Ноги дрожали. Он хотел спросить Ладю, действительно ли у выхода есть лифт, хотя только что сам слышал подтверждение. Хотел снова посмотреть на табло, будто там мог появиться ответ, который отменит необходимость ждать.

Лада заметила его взгляд.

— Я не знаю, почему они ускорились, — сказала она. — Но про выход диспетчер подтвердил.

— Хорошо.

— Не «всё хорошо». Только это.

— Да. Только это.

На табло сменились цифры.

00:10:09.

00:09:42.

Никто уже не бросался к лестнице. Люди всё ещё смотрели вверх, однако теперь рядом стояли сотрудники, и каждый знал, куда идти. Дежурная повторяла проверенную информацию по рации. Мужчина с синим пальто помогал пассажиру в кресле, не пытаясь сделать за него больше, чем тот просил. Мальчик держал в кармане красную перчатку.

Станция будто ненадолго замерла. Поезда не приходили. Объявления стихли. Где-то щёлкнул выключатель, и рекламная панель погасла.

Тогда Алексей услышал гул.

Не обычный шум поезда: тот приближался, нарастал и проходил сквозь тоннель с понятным направлением. Этот звук шёл снизу, из-за закрытых служебных дверей в конце платформы. Низкий, ровный, почти неслышный. Пол под ногами отозвался лёгкой дрожью.

Люди снова замерли.

— Это ещё что? — спросил кто-то.

Никто не ответил.

Гул оборвался. В короткой тишине стало слышно, как капает вода за стеной. Потом звук вернулся, чуть громче, и в нём возникла неровная пульсация.

У служебных дверей стоял мужчина в сером комбинезоне. Он не смотрел на часы. Прижав ладонь к металлической панели, он будто проверял её температуру или слушал, как та дышит.

— Вентиляция так не работает, — сказал он.

Дежурная шагнула к нему.

Мужчина не отнял руки от двери.

— Она должна идти ровно, — добавил он. — А этот гул сбивается.

Алексей посмотрел на Ладу. Она уже складывала карту.

За закрытыми дверями что-то снова загудело.

И на этот раз паузу между звуками заметили все.

Человек, умеющий замечать сбои

Гул оборвался, когда мужчина отнял ладонь от служебной двери. Тишина оказалась не полной: за стеной звякнул металл, где-то в вентиляционной шахте кашлянул воздух.

— Это не сама вентиляция, — сказал он. — Она просто повторяет сбой. Контроллер сидит за дверью.

Дежурная посмотрела на него, потом на Ладу.

— Выход через западный переход, — сказала Лада. — Не к эскалатору. По одному, не бежать. Если кто-то отстал, не возвращаться на платформу, а сказать сотруднику на лестнице.

Она произнесла это спокойно, без нажима. Люди, ещё минуту назад спорившие о том, какой табло верить, начали двигаться. Мужчина в сером комбинезоне придержал дверь в переход и пропустил вперёд девочку с рюкзаком. Алексей пошёл следом, прислушиваясь к звуку за стеной.

Гул повторился. Два коротких удара, пауза, один длинный.

На верхней площадке женщина остановилась, чтобы перевести дыхание. Её сын держал в руках игрушечный автобус, сжимая его так крепко, что колёса оставили на ладони красные полосы. Алексей помог ей поднять сумку. Потом посмотрел на табло над выходом.

На нём горело: 00:39:12.

Над лестницей, в нескольких шагах, другое табло показывало те же цифры. Почти те же. Секундная часть сменилась там чуть раньше.

Алексей моргнул и снова посмотрел. Первое табло перескочило на 00:39:11. Второе ещё задерживало старое значение, словно не успело за движением города.

— Дальше, — позвала Лада. — Здесь не стоим.

Он двинулся за ней, но продолжал следить за экранами. На следующей площадке они снова сменили цифры не одновременно. Разница была крошечной, меньше удара сердца. И всё же Алексей заметил её не потому, что обладал особым чутьём. Он просто давно знал: мелкая ошибка часто повторяется раньше, чем становится большой.

В переходе к наземному вестибюлю Лада поравнялась с ним.

— Почему ты смотришь на эти табло, а не на выход?

— Потому что они расходятся.

— Все электронные часы в городе расходятся. Мы это уже видели.

— Не все одинаково.

Лада помолчала.

— Ты заметил разницу в долю секунды. Почему?

Алексей коснулся пальцем выпуклого края часов на запястье. Механические, с потёртым стеклом и царапиной возле цифры семь. Отец подарил их ему перед тем, как уйти из жизни. На циферблате секундная стрелка двигалась с привычным тихим подёргиванием, не подчиняясь городскому отсчёту.

— Отец ремонтировал трамвайные реле, — сказал Алексей. — Я в детстве таскал ему инструменты. Он учил меня слушать не щелчок, а паузу перед ним.

Воспоминание пришло коротко, почти без предупреждения: тесная мастерская, запах горячей пыли и машинного масла, металлический ящик с выдвижными секциями. Отец держал реле на ладони, а Алексей, лет десяти, торопливо называл причину неисправности.

«Контакт грязный», — сказал он тогда.

Отец не стал спорить. Попросил сына постучать по корпусу, подождать и повторить. Реле щёлкнуло дважды с ровным промежутком, а потом задержалось. Алексей снова решил, что виновата грязь. Отец вынул пружину, и под ней обнаружился едва заметный изгиб.

«Не угадывай поломку, — сказал он. — Смотри, что повторяется. И записывай, когда ошибся. Иначе ты запомнишь не ремонт, а свою красивую догадку».

— Он не был волшебником, — добавил Алексей. — Просто не доверял первой версии, даже своей.

Они вышли в вестибюль. Там уже собрались пассажиры. Сотрудники метро просили людей не задерживаться у турникетов и направляли к северному выходу. За стеклянными дверями тусклое вечернее небо, а на фасаде соседнего здания светился огромный цифровой циферблат. Его красные цифры тоже уходили назад.

Мужчина в сером комбинезоне подошёл к ним.

— Громов, — представился он. — Техник смены. Вниз я пока не вернусь, пока не пойму, что там с контроллером.

Лада кивнула на его нагрудный жетон.

— Можете показать нам схему подключения табло?

Громов посмотрел на Алексея.

— Зачем?

— Чтобы проверить, повторяется ли сбой у устройств, которые связаны одним узлом.

Громов не ответил сразу. Потом достал из кармана служебный планшет. Экран был треснут по углу, но карта сети загрузилась. На ней станции и уличные табло соединялись тонкими линиями, уходившими к обозначенным квадратам узлов.

— Это не схема для пассажиров, — сказал он.

— Мы и не пассажиров спрашиваем, — отозвалась Лада.

Громов хмыкнул и развернул экран к ним.

Алексей достал из внутреннего кармана сложенную квитанцию и карандаш. Ручки у него не было. Он провёл пальцем по бумаге, выбирая свободный участок, и начертил пять колонок: время, устройство, подключение, показание, уверенность.

Лада заглянула через плечо.

— Ты собираешься вести протокол прямо здесь?

— Иначе я запомню то, что подтверждает мою версию, а остальное забуду.

— Хорошо, — сказала она. — Только не делай из наблюдений выводы раньше времени. Он поднял глаза.

— Это ты сейчас говоришь человеку, который как раз пытается не делать выводов.

Первую строку Алексей заполнил сразу. Время — по механическим часам, до минуты и секунды, насколько позволяла секундная стрелка. Устройство — табло «Выход 2». Показание — смена секунды примерно на четыре десятых позже табло у лестницы. Уверенность — средняя: наблюдение короткое, без записи.

Громов вывел на планшете номер узла: К-17.

— Табло у выхода и экран над лестницей подключены через этот шкаф, — пояснил он. — Разные линии, но общий узел синхронизации.

— Значит, задержка у обоих? — спросила Лада.

— Пока не значит, — сказал Алексей. — Пока значит только, что у двух экранов была разница.

Он попросил Громова показать ближайшую панель обслуживания. Та находилась за узкой дверцей у стены. Внутри мигали индикаторы и тихо гудел блок питания. На пластиковой этикетке под кабельным разъёмом стоял тот же номер — К-17.

Пока Громов проверял соединение, Алексей заметил ещё одно табло, встроенное в автомат пополнения проездных карт. Оно тоже отсчитывало назад, хотя пассажиры обычно смотрели на него только ради баланса. Цифры менялись позже, чем на экране над турникетами.

Вторая строка получила пометку: «автомат, К-17, задержка около 0,5 секунды, уверенность средняя».

Затем Алексей сделал то, чего отец учил не делать: слишком рано решил, что нашёл закономерность.

Небольшие часы у двери аварийного выхода отставали заметнее остальных. Они находились ближе всего к панели К-17. Алексей уже записал номер узла, когда Громов нахмурился.

— Эти часы не на К-17. Они идут от узла Д-3. Видишь белый кабель? У него отдельная линия.

Алексей посмотрел. Белый кабель действительно уходил в другую сторону.

Он зачеркнул запись. Не аккуратно, а так, чтобы первая версия осталась видна под двумя чёрными линиями. Рядом написал: «ошибочная привязка по близости; подключение Д-3, уверенность высокая».

— Неприятно, — сказала Лада.

— Зато полезно.

— Вот это уже звучит как девиз.

— Не делай из наблюдений девиз, — ответил он.

Лада улыбнулась краем рта. В коридоре зазвучал голос сотрудника метро: пассажиров просили покинуть станцию через северный выход. Громов сказал, что пойдёт проверить состояние узла снаружи, и они вместе поднялись на улицу.

Холодный воздух пах мокрым асфальтом и выхлопом. Город жил неровно. Машины стояли у перекрёстка, хотя светофор уже сменил сигнал; водитель автобуса высунулся в окно и спрашивал, работает ли маршрут. Люди фотографировали табло на остановке, звонили близким, показывали друг другу экран телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.